

ОРИЕНТАЛИЗМ

Специфика знаний Запада о Востоке
в Ориентализме

Основная цель лекции: рассмотреть особенности формирования и общую характеристику знаний Запада о Востоке, в конце 18 в. – начале 20 в.

Каждое из данных определений связано друг с другом и дополняет друг друга. Поэтому, когда Саид говорит о первом направлении, научных академических исследованиях, то он также отмечает их большую роль в становлении двух других характеристик ориентализма. Например, в деятельности и взглядах Бальфура и Кромера, о которых мы говорили в предыдущей лекции и которые можно соотнести со вторым и третьим определениями/измерениями ориентализма, можно также увидеть это взаимное переплетение и, в частности, большую роль предыдущих знаний, которые оказали существенную роль на взгляды данных деятелей Британской империи.

Рассматривая первое определение. Саид выделяет своеобразную периодизацию в формировании ориентализма как научного направления. При этом следует иметь в виду, что для Саида ориентализм имел свои временные границы, которые были связаны с одной стороны, с беспрецедентным быстрым интенсивным экономическим развитием и расцветом Европы, а с другой стороны, с формированием и распространением колониальной системы. Совершенно очевидно, что эти два процесса были взаимосвязаны. Поэтому для Саида ориентализм начинается вместе с данными процессами.

Саид отмечает, что взгляды Бальфура и Кромера не возникли просто так, они создавались предшествующими периодами развития, на основе проводившихся исследований, открытий и представлений о Востоке. Как он пишет, «абсолютное разграничение между Востоком и Западом, которое Кромер и Бальфур принимали с таким самодовольством, является плодом многих годов и даже веков. Были, разумеется, бесчисленные путешествия и открытия, были контакты в форме торговли или войны. Более того, с середины XVIII века во взаимоотношения Востока и Запада существовали два принципиальных элемента. Один из них — это рост систематического знания в Европе о Востоке, знания, подкрепленного колониальным опытом, равно как и широким распространением интереса ко всему чужому и необычному, используемое развивающейся наукой этнологией, сравнительной анатомией, филологией и историей. Впоследствии к этому систематическому знанию добавился немалый литературный корпус, созданный писателями, поэтами, переводчиками и талантливыми путешественниками. Другая черта отношений Востока и Европы состояла в том, что Европа всегда стояла в позиции силы, если не сказать господства. Об этом невозможно говорить эвфемизмами. Действительно, отношение сильного к слабому можно попытаться скрыть или смягчить, как это происходит тогда, когда Бальфур признает «величие» восточных цивилизаций. Но сущностное отношение на политической, культурной и даже религиозной основе виделось (на Западе, поскольку нас здесь интересует именно этот аспект) отношением сильного партнера к слабому».

Начало данного достаточно длительного процесса формирования, оформления, распространения научных знаний об Oriente Саид связывает с походами Наполеона в Египет в 1798 году, за которыми последовало открытие цивилизации древнего Египта миру, что стимулировало интерес к дальнейшим исследованиям, дешифровке древней письменности Шампольоном, интересом к другим языкам, истории и культуре стран Востока, того региона, которое у Саида ранее прозвучало как Библейский регион, то есть регион передней Азии, восточного средиземноморья и северной Африки.

По мнению Саида, вторжение в Египет «во многом оказалось моделью подлинно научного освоения одной, очевидно более сильной культуры, другой. Именно с наполеоновской оккупацией Египта пришел в движение процесс выстраивания отношений между Востоком и Западом, который до сих пор определяет наши культурные и политические перспективы. Наполеоновская экспедиция вместе с ее великим коллективным памятником эрудиции, «Description de l'Égypte» открыла поле или пространство для ориентализма, поскольку Египет и вслед за ним другие исламские земли стали рассматривать как живую провинцию, лабораторию, арену для испытания эффективности западного знания о Востоке».

На протяжении XIX–XX веков идеи ориентализма развивались и принимали различные формы. В целом, период конца 19-го – начала 20 гг. Саид, вслед за Эдгаром Кине, называет восточным ренессансом, когда ориентализм обретает современные черты. «Многим мыслителям, политикам и художникам, принадлежащим к различным кругам, внезапно

начинает казаться, что появилось новое понимание Востока, простирающегося от Китая до Средиземного моря. Это понимание отчасти явилось следствием повторного открытия и появления переводов восточных текстов с таких языков, как санскрит, авестийский и арабский. Это также было результатом по-новому воспринимаемых отношений между Востоком и Западом».

Данный процесс дальнейшего развития научных знаний об Oriente привел к его новому своеобразному качественному наполнению или, как называет Саид этот процесс, к его модернизации, когда «почти повсеместно среди ориенталистов появляется стремление сформулировать свои открытия, опыт и озарения в современных терминах, выразить идеи по поводу Востока в тесной связи с реалиями модерна».

В данной связи можно отметить, что развитие ориентализма как научного направления, конечно, не могло быть свободным от происходивших качественных изменений и в других научных сферах, как социальных, так и технических. Развитие знания об особенностях окружающего человека мира шло практически параллельно с созданием новых философских направлений и формированием целых новых отраслей знаний в целом. Например, развитие позитивизма и создание социологии как нового направления изучения обществ перекликалось друг с другом. Аналогичным образом, и эволюционная теория Чарльза Дарвина в самом начале 19 столетия (1809 г.) перекликалась в дальнейшем с теорией марксизма (1848 г.), говорившего о той же самой эволюции, но в социальной сфере. Социология и позитивизм О. Конта (которого принято считать отцом-основателем этого направления гуманитарных знаний) также по-своему отразили данный эволюционизм. Новые открытия в физике и химии, периодической системы Менделеева и деятельность супругов Кюри в области атомной физики, и уже в самом начале 20 столетия создание Альбертом Эйнштейном теории относительности – все это и многое другое оказало влияние и на другие – смежные и далекие – отрасли знаний, включая знания в области гуманитарных и социальных наук.

Конечно же, данный исключительно широкий и мощный контекст пусть и не напрямую, а опосредованно, но оказывал влияние на развитие знаний о Востоке. Поэтому своеобразная модернизация происходила и в этой сфере.

Здесь можно отметить два условных направления, связанных с духовным и практическим открытием, пониманием культур Востока. Первое направление связано в основном было с открытием для Европы и западного человека в целом духовной эзотерической стороны восточного мира, что было представлено в произведениях Макса Мюллера, Ральфа Уолдо Эмерсона, Елены Блаватской и др.

Ярким представителем данного, так называемого духовного направления был Макс Мюллер, полное имя Фридрих Макс Мюллер (Friedrich Max Müller, 1823–1900) – филолог, востоковед, один из «отцов-основателей» религиоведения.

«Макс Мюллер родился в 1823 году в Дессау (Германия) в семье немецкого поэта-романтика Вильгельма Мюллера (1794–1827). В Лейпцигском университете он изучал классические языки, психологию и антропологию, а затем продолжил образование в Берлине и в Париже, где изучал филологию, философию, санскрит и религии Востока. В 1846 г. он переезжает в Лондон, а в 1848 г. – в Оксфорд, где становится профессором современных европейских языков. Макс Мюллер был энциклопедически образованным ученым, специалистом в области классической филологии, древних языков, сравнительного языкознания, сравнительной мифологии, восточных религий и культур. Всё это вместе заложило серьезный фундамент для осознания Мюллером потребности в новой науке – науке о религии, главным методом которой он считал сравнительный метод. Его лекции по «Введению в науку о религии» 1870 года явились одной из отправных точек развития религиоведения.

В 1875 г. он оставил преподавательскую деятельность, всецело сосредоточившись на издании серии книг «Священные тексты Востока», инициатором которой он являлся. Первоначально эта серия должна была называться «Священные тексты человечества». Всего к началу XX века было издано более 40 томов, подготовка которых служила мощным импульсом развития востоковедения, филологии и религиоведения в Европе».

Интересно отметить, что работы Макса Мюллера оказали большое влияние на развитие интеллектуальной мысли в самой Индии, чьи языки и культуры являлись объектом его

исследований. О значении, которое придают в современной Индии деятельности данного ученого, свидетельствует и неприметный, но все же весьма показательный факт. В самом центре Нью-Дели, недалеко от резиденции премьер-министра Индии, имеется улица, названная в честь выдающегося исследователя, на которой, кстати, расположены организации соответствующего направления, в частности, Индийский культурный центр.

Мировоззрение Махатмы Ганди (1869–1948 гг.), видного деятеля национально-освободительного движения в Индии также можно считать в качестве примера большого влияния, которое было оказано со стороны видных представителей так называемого духовного направления изучения Востока.

Как вспоминал сам М. Ганди в своей «Автобиографии», первый более-менее осознанный интерес к вопросам религиозного порядка начал проявляться у него лишь во время окончания им учебы в Англии (1889–1891). При этом характерно, что к этому М. К. Ганди пришел опосредованно, через увлечение бывшими тогда в моде теософией и вегетарианством. В отличие от оккультной стороны теософии, которая не интересовала, представления последователей этого учения об Индии и индуизме как всемирном источнике духовности способствовали изменению первоначальной позиции М. К. Ганди об индуизме как учении, полном предрассудками. Тем не менее в этот период он достаточно поверхностно и бегло знакомится со всеми основными вероучениями. Так, например, в своей автобиографии Ганди вспоминает, что на предложение своих знакомых-теософов прочитать «Бхагаватгиту» в подлиннике, он к своему стыду признал, что не читал ее ни на санскрите, ни на гуджарати, а над чтением «Ветхого Завета» и вовсе засыпал.

Условное второе направление освещало в основном практическую сторону жизни народов Оrients – языковые, антропологические, географические и иные описания. Здесь также происходил большой прорыв, особенно в области изучения народов как крупных колоний, таких как Индия, так и в целом цивилизаций Азии, например Китая, а также начало изучения Японии, «открывшейся внешнему миру» с середины 19 века.

Таким образом, создававшийся своеобразный котел знаний, в котором варились самые различные концепции и теории, вне зависимости от направлений, принадлежности к гуманитарным или точным наукам, а также от практической применимости или теоретической направленности – все это свидетельствовало о том, что знание об Оrientsе действительно становилось частью некоего большого целого. Его невозможно выделить и изучать отдельно, вне широкого и общего контекста, как сугубо научного, так и практического, включая политические аспекты. Важный вывод, который можно сделать из этого, состоит в том, что сугубо научные концепции обретали новое измерение, становились частью уже и политических процессов, или же формировали интеллектуальный дискурс целых наций и стран.

Поэтому можно согласиться с Саидом, когда он пишет о том, что «ориентализм испытал на себе воздействие империализма, позитивизма, утопизма, историзма, дарвинизма, расизма, фрейдизма, марксизма, шпенглеризма». При этом можно также добавить, что и все остальные теории, в свою очередь, также испытали на себе влияние ориентализма.

Данный случай можно применить к теории Э. Ренана, в связи с чем понимание взглядов Ренана показательны. Именно в этом смысле можно отметить, например, работы (Жозефа) Эрнеста Ренана (1823–1892 гг.), про которого Саид пишет, что его «лингвистические исследования в области семитских языков в 1848 году, например, были выдержаны в стиле, который в значительной мере опирался на его авторитет в сфере современной сравнительной грамматики, сравнительной анатомии и расовой теории. Все это придало его (Ренана) ориентализму престиж и – другая сторона медали – открыло ориентализм более чем когда-либо прежде модным и весьма влиятельным течениям западной мысли».

Контрольные вопросы (опорные) для самопроверки

1. С какими процессами развития (экономическими, общественными, международными) был связан ориентализм?

2. С каким событием Саид связывает начало процесса формирования, оформления, распространения научных знаний об Oriente?
3. Охарактеризуйте научное и творческое наследие Макса Мюллера.

Задания для самостоятельного выполнения

1. Охарактеризуйте деятельность Э. Ренана, основные положения его теории.

Список рекомендуемых ресурсов по теме лекции

1. Said, Edward W. Orientalism. London: Penguin, 2003. 396 p.
2. Мюллер Макс. Введение в науку о религии / Классики мирового религиоведения. Антология. Т. 1 / Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М.: Канон+, 1996. С. 32-143.
3. Ганди М. Моя жизнь. – М.: Восточная литература, 1969.
4. Ренан, Эрнест / Гараджа В. И. // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 2010. – 2816 с.